УДК 82.1

К. Д. Гордович

Гордович Кира Дмитриевна — доктор филологических наук, профессор Высшей школы печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, grdvkda@mail.ru

**МАКСИМ ГОРЬКИЙ И НИКОЛАЙ ГАРИН-МИХАЙЛОВСКИЙ
(ПЕРЕКЛИЧКА МОТИВОВ И ОБРАЗОВ)**

Сопоставление творческих поисков писателей-классиков и писателей «второго ряда» не вызывает сомнений. В работе выявляются общие мотивы в произведениях М. Горького и Н. Гарина-Михайловского. Отмечается значимость для писателей-интеллигентов общения с рабочими и крестьянами; понимание ими роли книги в процессе формирования личности и мысль о недостаточности книжного знания. Подчеркиваются отмеченные авторами различные формы сопротивления окружающей среде. Особо выделяется опыт использования автобиографического материала при создании художественного образа героя времени.

Ключевые слова: мотивы, бунт, самопознание, книга, автобиографизм, интеллигенция.

Gordovich K. D.

MAXIM GORKY AND NIKOLAI GARIN-MIKHAILOVSKY (INTEREXCHANGE OF MOTIFS AND IMAGERY)

The correlation of artistic searches of the classics and the writers of the 'second order' is beyond doubt. This work highlights the common motifs in the works of Maxim Gorky and Nikolai Garin-Mikhailovsky. I underline the importance of communication with the working class and peasantry for the writers of intelligentsia. I also accentuate the attention paid to the role of the book in their works, and the understanding of a lacking in literary knowledge. The constant motif of mutiny and resistance against natural forces is brought to the fore. I pay special attention to the use of autobiographical material in constructing the literary image of a hero of the time.

Keywords: motifs, mutiny, self-examination, book, autobiography.

При всей условности и приблизительности любого сопоставления параллель между творческими поисками Горького и Гарина-Михайловского не кажется бесосновательной. Гарин на шестнадцать лет старше, но пришли они в литературу одновременно — в 1892 году. Интерес читателей к начинающим писателям объяснялся не только талантливостью произведений, но и личностью авторов: один — самоучка, вышедший из мещанской среды, другой инженер-путеец, человек делового мира.

Гарин ценил талант Горького. В 1890-е годы помог ему избавиться от некоторых народнических иллюзий. В преддверии революции 1905 года направил к нему старших сыновей как к авторитетному представителю социал-демократической партии.

Того и другого писателя при всей разнице наблюдений интересовали люди, задумавшиеся над жизнью, пытающиеся понять ее. В очерках Гарина мы постоянно встречаем задающих вопросы ямщиков, рабочих — о хлебе, хозяйстве, жизни. Горький тоже включал в свои произведения диалоги о смысле жизни с рабочими и босяками, случайными встречными, спутниками путешествий «по Руси». Горький исследовал малейшие признаки протеста, бунта героев, всматривался в тех, кто «выламывался» из своего класса.

Понять себя, причины неправильного устройства жизни пытались Гришка Орлов, Коновалов, Мальва и многие другие персонажи Горького. В работах о его раннем творчестве показана эволюция отношения писателя к босякам, смысл противо-

ставления их людям «благополучным», спокойным, «зимним» [13, с. 261]. Но одновременно — неверие автора в то, что они смогут изменить жизнь.

Особенно противоречивым было отношение молодого писателя к интеллигенции. В раннем творчестве Горький чаще стремился развенчать мнимых интеллигентов-пустословов, «дачников». Это понятие впервые прозвучало в «Вареньке Олесовой» по адресу ученого Полканова. В пьесах «Дачники», «Варвары» на примере многих персонажей Горький продемонстрировал потребительское отношение к жизни, отсутствие творческого начала в людях разных профессий (писателях, инженерах, адвокатах), разных характеров (пассивных и деятельных). Интересовал Горького и тип людей деловых, практического склада. В лице Шебуева («Мужик») он показал интеллигента, пробившегося «снизу вверх» — человека недюжинной энергии, чувствующего кровное родство с народом, но на пути «малых дел» терпящего значительные нравственные потери.

Больше связанный с передовой интеллигенцией в 1890-е годы, Гарин дал более многообразную характеристику этой среды. Среди представителей образованного класса он вывел людей целеустремленных и безвольных, активных деятелей и клезников. Проследивая путь формирования характера Карташева, выяснял систему влияний на личность, возможности противостояния среде, источники силы. Исходным моментом для писателя был идеал инженера — человека творческого, демократичного,

убежденного. Подобные герои в произведениях Горького появятся позднее — в художественных очерках-портретах Горький покажет целую галерею подлинных интеллигентов: писателей, общественных деятелей, революционеров. В их числе будет и Гарин-Михайловский.

Возможно сопоставление произведений Гарина и Горького по типу рассказчиков: автор, выступающий от своего имени в очерках Гарина, и Максим, затем «проходящий» в рассказах Горького.

Разнообразны роли, в которых читатель видит Гарина-повествователя в процессе общения с крестьянами, рабочими, в раскрытии дорожных приключений, действительных и вымышленных встреч и т. д. Деловые поездки, путешествия с научной целью, впечатления туриста взаимодополняли друг друга. Собственные выводы соотносились с наблюдениями современников. Рассказывая о себе, Гарин решал вопрос об ответственности интеллигенции, себя воспринимая представителем образованного класса. Самоирония автобиографического персонажа давала основание для критической оценки других.

Именно запискам Гарина по Корее, Маньчжурии будут родственны горьковские очерки об Америке — вниманием к рабочему человеку, интерес к которому не сможет подавить ни природа страны, ни размах техники.

Важно отметить эволюцию взглядов Гарина, подчеркнутую им в текстах очерков — углубление знания крестьянской среды, значение доверия к нему простых людей. Открыто присутствующий в очерках, Гарин «исчезал» из поля зрения в рассказах. У Горького же образ рассказчика принципиально важен именно в жанре рассказа — он и действующее лицо, и наблюдатель, и объект наблюдения.

Анализируя эволюцию повествователя Горького, В. Келдыш сопоставлял ранние автобиографические рассказы Горького (1890-е годы), цикл «По Руси» (1910-е годы) и автобиографические произведения 20-х годов [12, с. 82–122]. Исследователь отмечал самоиронию автора по поводу первоначальной «книжной прямолинейности», сознательное снижение образа, но важность факта «живого соприкосновения с людьми из народной среды». При всех биографических совпадениях, как показывал В. Келдыш, писатель и рассказчик не совпадают: «Рассказчик во многих отношениях близок автору, но тем не менее никоим образом не исчерпывает авторской оценки действительности, а иногда и расходится с ней».

При соотнесении ранних рассказов Горького с последующими обнаруживается большее сближение героя-рассказчика с писателем. Если Максим рассчитывал на просветленное слово, то мироощущение проходящего характеризует пафос безотлагательного дела. Самокритичность, ироническое отношение к себе, вера в людей сближает повествователей в очерках Гарина и рассказах Горького.

Есть и ещё один аспект на пути выяснения творческой близости Горького и Гарина. Речь идет

о создании литературного характера героя своего времени на материале собственной биографии. Об автобиографической трилогии Горького написано достаточно много. Выяснено её место в ряду «великих автобиографий прошлого», раскрыто своеобразие решения Горьким проблемы нового человека. Алешу Пешкова сопоставляли и с Николенькой Иртеневым Толстого, и с персонажами книг о детстве И. Вольного, Ф. Гладкова. Порой авторы работ строили свою концепцию на противопоставлении светлого детства обеспеченных дворянских мальчиков и тяжелых, безрадостных, детских воспоминаний тех, кому, как и Горькому, пришлось очень рано столкнуться со «свинцовыми мерзостями» жизни.

Вместе с тем интересно взглянуть в эти и иные произведения, исследующие путь формирования характера, под углом зрения не только того, что получил герой в ранние годы, но что он сумел взять в свой духовный багаж, как шел процесс выработки его взглядов, как строил автор путь обретения им своего места в жизни, через какие препятствия проводил, как обнаруживал свое к нему отношение. И вот в этом плане особенно плодотворно сопоставление трилогии Горького и тетралогии Гарина, поскольку оба писателя на совсем разном материале и в разное время создавая произведения, провели героев через заблуждения и противоречия, надежды и иллюзии к осознанию связи с людьми, в первую очередь — с людьми труда, к чувству внутренней необходимости активного вмешательства в жизнь.

Оба произведения построены на автобиографическом материале, но писатели достаточно свободно относились к фактической достоверности. В одной из анкет Горький писал:

«Я пользовался преимущественно материалом автобиографическим, но ставил себя в позицию свидетеля событий, избегая выдвигаться как сила действующая, дабы не мешать самому себе, рассказчику о жизни» [10, с. 28].

В другом случае еще более определенно он высказался о свободе автора изменять факты и подчинять их изложению выяснению собственных дум: «Лично я никогда не любил фактов, с величайшим удовольствием искажал их» [11, с. 309].

Подтвердим это на примере сопоставления раннего произведения Горького «Изложения фактов и дум, от взаимодействия которых отсохли лучшие куски моего сердца» (1893) с теми же эпизодами в «Детстве», которое появилось через двадцать лет (1913).

В первом произведении акцентировались субъективные моменты — обида на мать, её невнимание к нему, оставившее боль в сердце на долгие годы: «Раньше, до её второго замужества, я слышал от нее кое-что, убившее во мне всякие положительные чувства к ней» [9, с. 456]; «...Я хорошо знаю, что тогда уже не любил её. Впрочем, едва ли когда я любил её, а уважал, наверное, потому что боялся» [9, с. 466]. В «Детстве» мы, пожалуй, чувствуем скорее

обида не на мать, а за неё, на то, что так сложилась её судьба. «Мать всегда будила очень много ласковых дум о ней, но выговорить думы эти не решался никогда» [6, с. 176].

В раннем произведении автобиографический герой, столкнувшись с грубостью, жестокостью в доме деда, поначалу терялся. В «Детстве» с самого начала сделан акцент на сопротивлении.

Смысл подобных изменений, думается, в стремлении снять слишком субъективную окраску, в повышении контроля автора за тем, что говорит персонаж. Корректируя воспоминания, писатель оставлял лишь то, что имело значение для формирования личности. Именно это, на мой взгляд, хотел подчеркнуть в своей работе и Н. Гей, говоря о «сложном синтезе голосов — непосредственном восприятии автобиографического героя и обобщающем суждении автора» [4, с. 321].

Работая над повестью, Горький добивался единства — индивидуальной неповторимости каждого эпизода и подчинённости его общей задаче раскрытия характера.

В предисловии к избранным произведениям Гарина С. Голубков писал о подступах писателя к изображению нового качества героя времени — его способности к сопротивлению окружающей среде. В полной мере, — считает исследователь, — проявится это у Горького, а Гарин стоит лишь «на пороге такого открытия» [5, с. 17]. Но анализ повестей о Карташеве показывает, что принцип проверки героя на сопротивляемость является ведущим в тетралогии, а возрождение его обуславливается в первую очередь именно возросшей способностью понимать людей и умением противостоять влиянию.

Жизнь героя Горького предлагала ему испытания другого порядка, чем в произведении Гарина, и требовала значительно большей силы духа, способности выдержать, не сломаться. Уже в детстве не раз Алеша «был близок к отчаянию» [6, с. 142], но сопротивлялся ему; еще не умея осмыслить, готов был бунтовать по-своему — «озорничать». Без конца сталкиваясь с жестокостью, несправедливостью, он ощущал в себе внутреннее сопротивление: «не терплю грязи <...> не хочу терпеть злое» [7, с. 307].

Этот мотив протеста, возмущения против терпения стал ведущим в духовном развитии героя: «Я плохо приспособлен к терпению» [7, с. 456], — признавался он себе; зачастую испытывал «вспышки ненависти к упрямо терпеливым людям».

Вместе с тем, Горький, как и Гарин в свое время, показал, насколько трудно молодому человеку «самоопределился», как «тянет его во все стороны», как приходится «перешагивать через себя» [8, с. 84]. После кризиса, после попытки «убить себя» пришел герой к выводу необходимости «ехать дальше» [8, с. 137].

Оба героя проведены их авторами через восприятие книги как источника знаний о жизни и понимание ограниченности только книжного знания. Юный Карташев именно от книг получил первый импульс мысли о большой жизни, о том, что будет

после гимназии. Но тут же он останавливал себя, понимая, что нет настоящих знаний и «никакой такой другой жизни и в заводе нет» [1, с. 411]. «Копание в себе» приводит задумавшегося героя к нерадостному результату: «почва как-то ускользнула, какая-то связь порвалась: книга осталась книгой, а жизнь пододвинулась и во всех своих проявлениях так не схожа с книгой, что, очевидно, книга одно, книга дело рук неопытного идеалиста, а жизнь имеет свои, совсем какие-то другие законы» [1, с. 452].

Алексею Пешкову книги сначала помогли спастись от грязи жизни, они его «сделали неуязвимыми для многого» [7, с. 394]. Однако скоро герою стал ясен разрыв между книгой и жизнью, это потребовало новых сил для сопротивления: «уже довольно резко чувствовал противоречие между жизнью и книгой» [7, с. 434].

Тот и другой герои пережили настоящий праздник, почувствовав поэзию труда, приобщившись к нему. «Никогда не предполагал Карташев в себе такого запаса энергии» [3, с. 489]. Навсегда остался в памяти Пешкова день, когда он «впервые почувствовал героическую поэзию труда». Мы понимаем, что герою Горького приходилось не только переживать радость труда, но выносить подчас и каторгу принудительной работы. Тем знаменательнее его способность увидеть в труде поэзию.

Для Карташева физический напряженный труд, порой грязная, а иногда и опасная работа была школой жизни, закалкой, проверкой, и именно в отношении к ней прослеживал автор завершающий этап формирования его личности.

Оба писателя придавали особое значение стремлениям героев разобраться в себе, часто довольно беспомощным в попытках объяснить свою жизнь. Карташев: «Кому нужна моя жизнь?» [2, с. 211]; «Как жить дальше?» [3, с. 250]. Пешков: «Как жить иначе, куда идти?» [7, с. 521]; «Я вот тоже не знаю, как мне жить» [7, с. 529]. И Гарин, и Горький показали своих героев в процессе их взросления, понимания ими сложности каждого человека, соединения в них доброго и злого. (Отношение Карташева к матери, к друзьям, инженерам, Пешкова — к бабушке, деду, людям, с которыми столкнулся по работе.)

Находя общее в принципах подхода писателей к изображению характеров, нельзя не учитывать, что произведения создавались в разное время. Финальная часть тетралогии Гарина написана под воздействием событий революции 1905 года, Горький завершил «Мои университеты» уже после революции 1917 года. Принципиально важна почувствованная каждым из художников обязательность поисков, которые с неизбежностью вели героев к осознанию своего участия, своего места в общественной жизни.

Если можно было говорить о том, что представление Гарина о герое сложилось ещё до написания тетралогии, то вопрос о его возможностях, перспективах в условиях предреволюционной России решался уже в ходе создания «Инженеров», в процессе выработки писателем собственной позиции в слож-

нейшей политической ситуации. Его поразила новая молодежь, ее активность, стремление «броситься в водоворот» — уже совсем не такой, в который когда-то увлекал Карташева студент Шацкий.

Проблема литературной преемственности, общность писателей одной эпохи и переключки произведений разных десятилетий решается во многих работах. Чаще всего исследователи устанавливают творческую близость, а порой и отторжение произведений Горького и Достоевского, Л. Толстого. Выявляются моменты притяжения и отталкивания этих писателей, сопряженность их гуманистических идеалов, глубоко личностное отношение к кардинальным проблемам общественного развития.

Вместе с тем изучение истории литературы требует более глубокого анализа творческих переключек с Горьким писателей менее крупного масштаба, но тоже, несомненно, участвовавших в художественных открытиях. Среди этих писателей особое место принадлежит Гарину-Михайловскому.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гарин-Михайловский Н. Гимназисты // Гарин-Михайловский Н. Собр. соч.: в 5 т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 1. — 396 с.
2. Гарин-Михайловский Н. Студенты // Гарин-Михайловский Н. Собр. соч.: в 5 т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 2. — 412 с.
3. Гарин-Михайловский Н. Инженеры // Гарин-Михайловский Н. Собр. соч.: в 5 т. — М.: 1957. Т. 2. — 432 с.
4. Гей Н. Соотношение факта и идеи как проблема стиля (художественный опыт М. Горького) // Многообразие стилей советской литературы. Вопросы типологии. М.: Наука, 1978. — 510 с.
5. Голубков С. Большая судьба // Гарин-Михайловский Н. Избранное. Куйбышев: Куйб. кн. изд-во, 1980. — 416 с.
6. Горький М. Детство // Горький М. Собр. соч.: в 25 т. М.: Наука, 1972. Т. 15. — 690 с.
7. Горький М. В людях // Горький М. Собр. соч.: в 25 т. М.: Наука, 1972. Т. 15. — 690 с.
8. Горький М. Мои университеты // Горький М. Собр. соч.: в 25 т. М.: Наука, 1972. Т. 16. — 586 с.
9. Горький М. Изложение фактов и дум, от взаимодействия с которыми отсохли лучшие куски моего сердца // Горький М. Собр. соч.: в 25 т. М.: Наука, 1972. Т. 1. — 456 с.
10. Горький М. Ответ на анкету // Как мы пишем. Л.: Изд. пис. в Л-де, 1931. — 217 с.
11. Горький М. Письмо Григорьеву от 10.11.1925 // Архив ИМЛИ. Приведено в ранее указанной статье Н. Гая.
12. Келдыш В. Тип рассказчика в новеллах и очерках Горького // О художественном мастерстве М. Горького. М.: АН СССР, 1960. — 419 с.
13. Крутикова Л. О некоторых особенностях изображения народа в раннем творчестве М. Горького // Русская литература XIX века. Ученые записки ЛГУ. Вып. 49. — Л., 1958. — 156 с.